

П. Амбросиани

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ НАЗВАНИЯ В ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКОЙ И РУССКОЙ ОЙКОНИМИИ ИНГЕРМАНЛАНДИИ

*The present article discusses the relationship between Baltic-Finnic and Russian place names relating to the same localities in the former province of Ingria, south and west of St. Petersburg. At least since the seventeenth century, during which this area belonged to Sweden, many villages have been known under both a Russian and a Baltic-Finnic (mostly Finnish, but in certain areas Votic or Ingrian) name. Such name pairs are often phonetically (*Peräkylä/Perekjulja, Saastrova/Zaostrov'e*) or semantically similar (*Nuolijoki/Strelna, Sutela/Volkovo*). Some name pairs can be explained as results of adaptation from one language to the other, but in some cases more complicated processes need to be reconstructed in order to account for the attested variation.*

1. Топонимия юго-западной части современной Ленинградской области, как известно, характеризуется известной пестротой: исконно русские названия селений сосуществуют здесь с прибалтийско-финскими (финскими, водскими, ижорскими), которые в современных официальных документах, как правило, выступают в более или менее адаптированной русским языком форме.

Вплоть до 1940-х гг. в этом регионе существовали сотни финских, водских и ижорских деревень. Водское и ижорское население имеет здесь глубокие исторические корни, тогда как большая часть собственно финского населения переселилась сюда из Финляндии в XVII в., когда интересующая нас область после Столбовского мира 1617 г. вошла в новую шведскую провинцию под названием Ингерманландия¹.

¹ Подробнее о переселении в XVI в. в Ингерманландию финноязычного населения – преимущественно из областей Саво (*Savo*) и Эуряпя (*Åyräpää*) см. работу [Saloheimo, 1982].

Среди общественных преобразований шведского времени особенно важно одно – новое административное деление провинции: старые *погосты* новгородской земли² постепенно преобразовались в систему лютеранских приходов, похожую на ту, которая уже существовала в «старом» Шведском государстве. В связи с административными реформами велась интенсивная работа по составлению писцовых книг новой провинции и, к концу века, топографических карт³ как всей Ингерманландии, так и отдельных ее частей: к самым важным документам той эпохи относятся, например, так называемая «Ингерманландская книга» 1618–1623 гг. [ИВ] и известная карта Ингерманландии А. Андерсина [Andersin]⁴.

Изучением многоязычной топонимии бывшей Ингерманландии занимались как русские, так и иностранные исследователи: см., например, работы З. М. Дубровиной [1969], А. И. Попова [1981], Е. Амбургер [Amburger, 1980, особенно гл. «Ortsnamnen in Ingermanland»], С. Кепсу [Kepsu, 1995], К. Фасулас [Fasoúlas, 1977] и др. Исследования по топонимии Ингерманландии – прежде всего по финским географическим названиям – можно найти также в общих работах по финской ономастике [например: Nissilä, 1962].

2. У разноязычных топонимических пар, относящихся к одной и той же местности, можно дифференцировать два главных типа⁵ соотношения между членами пары: семантическая близость и фонетическая близость⁶.

Согласно З. М. Дубровиной [1969, 87], которая приводит целый ряд примеров переводных названий, относящихся к территории современной Ленинградской области (*Sutela – Волково, Oja – Ручьи, Nuolijoki – Стрельна* и др.), таких топонимов много⁷. Другие примеры: 1. *Kiwikko – Каменка* Set.,

² См. о них в недавно опубликованной монографии А. А. Селина [2003] с обширной библиографией.

³ О шведском картографировании Ингерманландии см. работу С. Б. Горбатенко [1997].

⁴ Документы так называемого Новгородского оккупационного архива (1611–1617 гг., т. е. перед мирным договором 1617 г.), относящиеся к периоду шведской оккупации Новгорода и части новгородских земель, включая будущую Ингерманландию, также содержат богатый топонимический материал [см.: Löfstrand, Nordquist, 2005; Ambrosiani, 2003a, 7].

⁵ В настоящей статье мы не обсуждаем топонимические пары, члены которых, по всей вероятности, образовались самостоятельно в обоих языках, например *Vanhakontu – Дубки* (см. ниже 3.2).

⁶ Ср. различие «переводных названий» и топонимов «финского... происхождения, приспособленных к нормам русского языка и к типам русской топонимии Ленинградской области» [Дубровина, 1969, 82, 87]. Об обратном явлении – приспособлении русских топонимов к финскому языку – см., например: [Nissilä, 1962, 130–147]. Подробнее о дискуссии, связанной с механизмами перевода, см.: [Матвеев, 2001, 111–123].

⁷ По нашим наблюдениям, однако, переводные названия встречаются заметно реже, чем топонимические пары, характеризующиеся фонетической близостью. Относительная частотность случаев семантической и фонетической близости, разумеется, во многом зависит от характера используемых источников: ср., например: [Ambrosiani, 2003a, 17], где демонстрируется связь между русским названием деревни *Быков ручей* (1611–1617 гг.) и соответствующим финским названием *Mickois* (1618 г.), *Mickosi* (1696 г.) и др., прослеживаемая через упоминание двух вариантных финских названий этой деревни в источнике 1619 г.: *Härkä-Jäen eller Mickosien kylä*. Такое идентифицирование лингвистически самостоятельных топонимов встречается относительно редко [ср.: Sosnowski, 2002, 12–13].

№ 15⁸ [ср.: Mustonen, 1931, 49; Nevalainen, 1982, 406: *Kivikko*], ср. фин. *kivi* ‘камень’; 2. *Seppälä* – *Кузнецы* Туг., № 19, ср. фин. *seppä* ‘кузнец’ [ср.: Дубровина, 1969, 87]⁹; 3. *Uusi-Kylä* – *Новая (Ильина)* Skw./Rop., № 80, *Uusikylä* – *Новая (Ускуля, Узикюля)* Туг., № 16¹⁰, *Asikkala (Uusi-Kylä)* – *Новая деревня* Туг., № 30 [ср.: Mustonen, 1931, 47; Nevalainen, 1982, 406: *Asikkala*], ср. фин. *uusi* ‘новый’, *kylä* ‘деревня’ [ср.: Дубровина, 1969, 87: «Uusi kylä – Новая Деревня»]¹¹.

3. Среди топонимических пар, характеризующихся фонетической близостью, отмечаются примеры приспособления как финского топонима к русскому языку, так и русского топонима к финскому. В обоих случаях звуковые закономерности более или менее одинаковы: финские глухие согласные *p, t, k* (особенно в середине слова) соотносятся с русскими звонкими согласными *б, д, г*; финское *s* соотносится с русскими *с, з, ш, ж, ч* и т. д. [ср.: Дубровина, 1969, 82–85]¹². Нередко фонетическое соотношение финских и русских топонимов осложняется различными явлениями морфологической адаптации [ср.: Там же, 85–86]. Далее обсуждается несколько типов финско-русских топонимических пар, встречающихся на территории центральной Ингерманландии.

3.1. Топонимы с фин. *-kylä* ‘деревня’ в качестве второй части [ср.: Матвеев, 2001, 255; Дубровина, 1969, 81]: 1. *Peräkylä* (*in der Revision: Pergelewa*) – *Перекуля* Dud. № 40; 2. *Suokylä (Pihkowitz)* – *Сокули* Ser. № 10, ср. фин. *suo* ‘болото’, *pihka* ‘смола’; 3. *Ylikylä* – *Илики* Туг. № 11, ср. фин. *yli* ‘верхний’.

Слово *kylä* участвует и в более сложных словосочетаниях: *Kylänpää* – *Бабий Гонь (1-й Б.-Г.)* Туг., № 34 [ср.: АГДЛО, 1973, 238: *Низино* (центр Бабигонского

⁸ В указаниях на административную принадлежность населенных пунктов мы опираемся на работу [Körpen, 1867], в которой используются следующие обозначения лютеранских приходов центральной Ингерманландии: *Duderhof* – Dud. [Körpen, 1867, 60–63], *Gubanitz* – Gub. [Там же, 77–79], *Serebeta* – Ser. [Там же, 75–76], *Spanko* – Sp. [Там же, 67–69], *Skworitz und Ropscha* – Skw./Rop. [Там же, 70–72], *Tyris* – Туг. [Там же, 73–74]. В финских публикациях используются, как правило, финские названия соответствующих приходов: *Tuutari* (и *Hietämäki*), *Kupanitsa*, *Serepetta*, *Spankkova*, *Skuoritsa*, *Ropsu*, *Tyrö*. Краткие сведения об истории отдельных приходов см. в работе [Mustonen, 1931, 41–43 (*Tuutari & Hietämäki*), 44, 54 (*Skuoritsa & Kolppana*), 46 (*Ropsu*), 47 (*Tyrö*), 48–49 (*Serepetta*), 52–53 (*Spankkova*), 55 (*Kupanitsa*)].

⁹ Встречаются, однако, и примеры фонетической адаптации финских топонимов с компонентом *seppä*: ср. *Sepänkylä* – *Пудость Себякиля* Skw./Rop., № 21 [ср.: Mustonen, 1931, 45; Nevalainen, 1982, 406: *Pöllä* (*Sepänkylä*)].

¹⁰ Как показывает наличие русских вариантных обозначений – *Новая, Ускуля, Узикюля*, – иногда параллельно встречаются семантическая и фонетическая близость.

¹¹ Я. Саарикиви связывает топоним *Asikkala* с германским личным именем *Азика* [Саарикиви, 2003, 146]. Нельзя, однако, исключить, что топоним *Asikkala* мог выступать в фонетическом варианте, близком к *Uusikylä*, а если это так, то такой вариант впоследствии мог переводиться как русское *Новая деревня*. Дополнительный материал по ингерманландской деревне *Asikkala* см. в работе [Ambrosiani, 2003a, 9].

¹² Похожие звуковые соотношения наблюдаются в апеллятивной лексике, заимствованной из русского языка в финский [см.: Plöger, 1973, 271–276].

сельсовета Ломоносовского р-на)], ср. фин. *pää* ‘голова’. Русское название у Кеппена, кажется, является переформлированием финского *Papinkontu* [ср.: Ambrosiani, 2003a, 15]¹³.

3.2. Топонимы с фин. *-kontu* ‘дом, усадьба, хозяйство, имущество и т. п.’ в качестве второй части [ср.: Матвеев, 2001, 217–218; Дубровина, 1969, 81]¹⁴: 1. *Simonkontu* – **Больш. Симонгонть** Туг., № 41¹⁵; 2. *Tammenkontu* – **Таменгонть** Туг., № 23, ср. фин. *tammi* ‘дуб’; 3. *Usinkontu* – **Узигонть** Туг., № 54; 4. *Wellonkontu* – **Велигонть** Туг., № 52 [ср.: Mustonen, 1931, 44: *Vellonkontu* (Hietämäki); Nevalainen, 1982, 405: *Vellankontu* (Hietämäki)] и др.

3.3. Финские топонимы на *-la/-lä* [ср.: Матвеев, 2001, 245–247; Дубровина, 1969, 77–79; Nissilä, 1962, 53–54, 60, 91–92] часто подвергаются морфологической адаптации, приспособляясь к русскому типу на *-ово/-ево* (см. ниже 3.6): соответствующие русские топонимы, как правило, оканчиваются на *-лово/-лево* [ср.: Дубровина, 1969, 77–79]¹⁶: 1. *Peikkala* – **Сепеля (Сеппелева или Пекколова)** Skw./Rop. № 32; 2. *Pihilä* – **Пигелево** Dud. № 80, ср. фин. *piha* ‘двор’¹⁷; 3. *Pikkola* – **Пикколова** Dud. № 42, ср. фин. *pikku* ‘маленький’.

3.4. Финские топонимы на *-si* [ср.: Дубровина, 1969, 79–81; Fasoúlas, 1977] особенно характерны для бывшей Ингерманландии [ср.: Nissilä, 1962, 70–71]: 1. *Hirvosi* (*in der Revision: Ruotsi*) – **Гурвизи (Роцы)** Dud., № 24 [ср.: Mustonen, 1931, 42: *Hirvosi*; Nevalainen, 1982, 406: *Hirvosi (Ruotsi)*; Fasoúlas, 1977, 79]; 2. *Kaukasi* – **Кайкузи (Кайказу)** Dud., № 78 [ср.: Mustonen, 1931, 44; Nevalainen, 1982, 405: *Kaukaisi* (Hietämäki); Ambrosiani, 2003a, 11]¹⁸; 3. *Kuttusi* – **Куттузу** Dud., № 79 [ср.: Ambrosiani, 2003a, 12], ср. фин. *kuttu* ‘коза’; 4. *Willasi* – **Виллози, Вилози** Dud., № 45 [ср.: Mustonen, 1931, 43; Nevalainen, 1982, 405: *Villasi*; Fasoúlas, 1977, 87–88]¹⁹.

3.5. Русские топонимы типа *Заполье* [ср.: Подольская, 1983, 44–45] довольно многочисленны на территории Ингерманландии. Как правило, они не переводятся на финский язык, а адаптируются фонетически²⁰. Несколько примеров: 1. *Saahkonia* –

¹³ Вариант *Papinkontu* встречается уже в документах XVII в. [см.: Nallinmaa-Luoto, 1989, 39].

¹⁴ Встречаются также примеры пар, в которых название на *-kontu* соответствует самостоятельному русскому топониму: ср., например, *Wanhakontu* – **Дубки** Туг., № 26 [ср.: Mustonen, 1931, 48; Nevalainen, 1982, 406: *Vanhakontu*], ср. фин. *vanha* ‘старый’.

¹⁵ Деревня *Мал. Симонгонть* имеет, однако, финское название *Reijola* Туг., № 42.

¹⁶ Другие финские топонимы также могли адаптироваться аналогичным образом: ср., например, *Peräjärwi* – **Переярова** Skw./Rop., № 61.

¹⁷ В XVII в. эта деревня была известна также под названиями *Кюллятино*, *Кюллино* и т. п. (< фин. *kylä* ‘деревня’?) [см.: Ambrosiani, 2003a, 12–13].

¹⁸ Ср. точку зрения о вероятном отантропонимическом происхождении топонима *Кавкола* (Архангельская обл.) [Саарикиви, 2003, 143–144].

¹⁹ В некоторых случаях финские топонимы на *-si* выступают у Кеппена в вариантах на *-is*: ср., например, *Halois* – **Халузи** Туг., № 49 при *Halosi* в [Mustonen, 1931, 47; Nevalainen, 1982, 406; Fasoúlas, 1977, 90]; *Piuttuis* – **Пиудузи** Туг., № 51 при *Piutusi* в [Mustonen, 1931, 48; Nevalainen, 1982, 406; Fasoúlas, 1977, 96–97]; *Pohjois* – **Поези (Шувалова)** Туг., № 45 при *Pohjoisi* в [Mustonen, 1931, 48; Nevalainen, 1982, 406; Fasoúlas, 1977, 97].

²⁰ Дополнительные примеры см. в работе [Nissilä, 1956, 58; 1962, 137–138].

Захонье Gub., № 7 [ср.: Mustonen, 1931, 56; Nevalainen, 1982, 407: *Saahkonja*]²¹; 2. **Saaruli – Заполье** Gub., № 31 (ср. *Saappola* [Там же]); 3. **Saostrowia – Заостровье** Ser., № 22 [ср.: Mustonen, 1931, 49; Nevalainen, 1982, 406: *Saastrova*].

3.6. Русские топонимы на *-ово/-ево*, *-ино* (включая варианты на *-а*: *-ова/-ева*, *-ина*) – один из самых распространенных типов русских топонимов [ср.: Никонов, 1959, 324–329; Sosnowski, 2002, 37–50]). Как правило, они адаптируются в финском языке с известными фонетическими изменениями [ср.: Nissilä, 1962, 143]: 1. **Kluchova – Глухова** Skw./Rop., № 86 [ср.: АТДЛО, 1973, 240: *Глухово*]²²; 2. **Klätinä – Глядина (Лядина)** Skw./Rop., № 87 [ср.: Mustonen, 1931, 46; Nevalainen, 1982, 406: *Klätinä*; АТДЛО, 1973, 242: *Глядино*]²³; 3. **Roksowa – Крошово** Gub., № 38 [ср.: Mustonen, 1931, 56; Nevalainen, 1982, 407: *Roksova*]²⁴.

4. В некоторых случаях нельзя однозначно решить, какой язык является исконным для определенного топонимического типа: например, можно только сказать, что финские топонимы на *-itsa* регулярно соотносятся с русскими названиями тех же деревень на *-ицы*²⁵. При этом форма множественного числа русского топонима, как правило, противостоит финской форме единственного числа: 1. **Kurkowitz – Курковицы** Sp., № 3 [ср.: Mustonen, 1931, 53; Nevalainen, 1982, 407: *Kurkovitsa*]; 2. **Lumitz – Глумицы** Sp., № 7 (ср. *Luumitsa* [Там же]); 3. **Ragelitz – Раглицы** Sp., № 2 (ср. *Raakelitsa* [Там же]); 4. **Zernitz – Черницы** Sp., № 57 [ср.: Mustonen, 1931, 54; Nevalainen, 1982, 407: *Sernitsa*].

Противостояние финского единственного числа русскому множественному числу²⁶ характерно не только для топонимов на *-itsa/-ицы*, но и для других типов, например: 1. **Gorka – Горки** (Gub. № 17), **Korka (Gorkka) – Горки** (Skw./Rop. № 67)²⁷; 2. **Miina – Мины** (Skw./Rop. № 66).

²¹ Ср. фин. *honka* ‘сосна’, рус. *хонга*, арх. *конга*, *конда* ‘красная, хорошая сосна’ [Даль, 4, 560].

²² Встречаются также финские варианты *Kluuhova*, *Luuhova*, *Luuhkova* [см.: NA]. Об упрощении русского *кл* см. в работе [Plöger, 1973, 90–91 (*leima* < *клеймо*)]; о передаче русского *х* финскими *h*, *hk* см. [Там же, 169 (*räähkä* < *грех*), 276]. О топонимическом «гнезде» *глух/глуи-* см. в работе Н. В. Подольской [1983, 138–139].

²³ В приходе Kolppana зарегистрирована деревня *Lätinä – Лядино* Sp., № 53 [ср.: Mustonen, 1931, 54; Nevalainen, 1982, 407: *Lätinä*; АТДЛО, 1973, 213: *Лядино*].

²⁴ Об упрощении русского *кр* см. [Plöger, 1973, 153–154 (*raja* < *край*), 156–157 (*resla* < *кресло*), 161–162 (*risti* < *крест*)].

²⁵ Ср. [Nissilä, 1956, 50], где, насколько можно судить, предполагается русское происхождение финских топонимов на *-itsa*. Как известно, русские названия на *-ицы* иногда интерпретируются как варианты топонимов на *-ичи* при наличии цокания [см.: Sosnowski, 2002, 29–31; Никонов, 1959, 336]. Н. В. Подольская, однако, четко различает «суф. *-иц-* + флексия *-ы/-и*» от «суф. *-ич-* + флексия *-у/-ы*» [Подольская, 1983, 101, 103]. З. М. Дубровина упоминает только формы на *-иц* [Дубровина, 1969, 85–86]. Преобладание топонимов на *-ицы* над топонимами на *-ичи* в исследуемом ареале объясняется, возможно, влиянием финского языка, где в заимствованиях, как известно, русское *ч* в середине слова обычно передается финским *ts* [см.: Plöger, 1973, 275].

²⁶ Подробнее о русских топонимах *pluralia tantum* см. в работе Н. В. Подольской [1983, 95–98].

²⁷ Для русского топонима *Горки* встречается не только финский вариант *Korka (Gorkka)*, но и форма *Kurku* с другим гласным (ср. фин. *kurkku* ‘горло, шея’, *kurki* ‘журавль’ [ср.: Дубровина, 1969, 86: *kurku*]); ср. *Gross Kurku – Большая Горки*, *Klein Kurku – Мал. Горки* Skw./Rop., № 73, 74 [ср.: Mustonen, 1931, 46; Nevalainen, 1982, 406: *Suuri Kurku*, *Pieni Kurku*].

5. Кроме приведенных примеров встречаются также случаи, когда взаимоотношение финского и русского членов топонимической пары является более сложным. Привлечение дополнительного материала, в частности шведских карт XVII в., сделало возможным объяснение нескольких таких случаев, например:

5.1. *Dubitz – Дубицы* Sp., № 12 [ср.: Mustonen, 1931, 53; Nevalainen, 1982, 407: *Tupitsa*). В материалах НА встречается также вариант *Tammela* (ср. фин. *tammi* ‘дуб’). В данном случае мы имеем дело с двумя различными явлениями: это, во-первых, фонетическая адаптация топонима *Дубицы* в финском языке (*Tupitsa*); во-вторых, это семантическая близость топонимов *Дубицы* и *Tammela*, объясняемая переводом либо с русского на финский, либо с финского на русский.

Если исходить из того, что топоним *Дубицы* (*Tupitsa*, *Tammela*) возник в финноязычной среде, можно предложить следующую относительную хронологию: 1) перевод финского *Tammela* на русский как *Дубицы*; 2) фонетическая адаптация русского *Дубицы* в финском языке в форме *Tupitsa*. Напротив, если предполагать исконно русское происхождение интересующего нас названия, то приходится реконструировать два процесса, для которых невозможно определить относительную хронологию: а) перевод русского *Дубицы* на финский как *Tammela*; б) фонетическая адаптация русского *Дубицы* в финском языке в форме *Tupitsa*.

5.2. *Salusi – Салужи* (Sp. № 52)²⁸. На первый взгляд, финскую форму *Salusi* можно сопоставить с другими финскими топонимами на *-si*. Однако, как показывают материалы ПКВ, исходной формой является русское *Залужье* [ПКВ, стб. 688; ср.: Ambrosiani, 2003б, 62, 68], относящееся к деревне в Дягилинском погосте (ср. 3.5). Этот русский топоним адаптировался в финском языке в форме *Salusi*. Впоследствии финская форма послужила источником для современной русской формы *Салузи* (*Салужи*).

5.3. *Gross Taiz Gut – Большая Тайцы, Dorf Gross Taiz – Большая Тайцы, Klein Taiz – Малыя Тайцы* Skw./Rop., № 51, 52, 57 [ср.: Mustonen, 1931, 45: *Suuri Taitsa*; Nevalainen, 1982, 406: *Suuri Taista* (sic)]. Как в материалах ПКВ, так и в шведских материалах XVII в. встречается форма множественного числа *Стаица* в разных вариантах: в *Стаицах*, *Staiissa*, *Staitsa by*, *Staissahof* и т. п.²⁹ По всей вероятности, исходная русская форма³⁰ адаптировалась в финском языке – с упрощением начального *ст* в *с*³¹ и медиального *ц* в *тс* или *с* [ср.: Plöger, 1973, 275] –

²⁸ Современное название – *Котельниково* [см.: Amburger, 1980, 673; Перевезенцева, 2004, 77].

²⁹ Ср. ПКВ, стб. 682: *С. Стаица* (в Дягилинском погосте), стб. 873: *Д. Стаица* (в Взылицком погосте); ИВ: *Staiissa ödhe* [ср.: Ambrosiani, 2003б, 68].

³⁰ Для топонима *Стаица* предлагается этимология от апеллатива *стая* ‘овин; конюшня’ [см.: Sosnowski, 2002, 76; Даль, 4, 319].

³¹ Ср. у Кеппена деревня *Starastina* (*Staarastina*) – *Старостина* («Pastorat zu Markowa, Filial-Gemeinde Järvisaari», № 16) [Körpen, 1867, 56]; согласно З. М. Дубровиной [1969, 86], встречается и финский вариант *Tarastina* (ср., однако, название этой деревни в финских источниках: *Staarostina* [Mustonen, 1931, 36]; *Staarastina* [Nevalainen, 1982, 404]). Упрощение русского *стар-* в финское *таар-* находим в работе [Nissilä, 1975, 139]: фин. *taarasti* < рус. *староста*; ср. также фин. *tarina* < рус. *старина* [Plöger, 1973, 198–199], фин. *tankki* < рус. *станок* [Там же, 196–197].

в форму *Taitsa*, которая затем адаптировалась обратно в современную русскую форму *Тайцы*³².

5.4. *Tarowitz – Таровицы* Sp., № 27 [ср.: Mustonen, 1931, 53; Nevalainen, 1982, 407: *Tarovitsa*]. На карте [Andersin, 1704] в соответствующем месте значится название *Starawas*, которое можно идентифицировать с засвидетельствованным на территории Кипенского погоста топонимом *Старая Весь* [ср.: ПКВ, стб. 642, 664]³³. Эта форма адаптировалась в финском языке: начальное *st* упростилось в *t*, и слово *весь* переосмыслилось в уже знакомый формант *-itsa*. Впоследствии обратная адаптация в русском языке дала форму *Таровицы* (ср. выше 4).

5.5. *Tököttilä – Тякотели* (Dud. № 38)³⁴, ср. фин. *tökötti* ‘деготь (из березы)’, заимствованное из рус. *дэготь* [см.: Plöger, 1973, 215; Jarva, 2003, 149]. В этом случае, по всей вероятности, образование топонима произошло в финноязычной среде: на основе финского апеллятива *tökötti*³⁵ создан топоним *Tököttilä*³⁶, который затем адаптировался в русское *Тякотели* (*Текотеля*).

6. Как видно из приведенных примеров, топонимия бывшей Ингерманландии иллюстрирует главные типы соотношений, которые встречаются в дву- или многоязычных ареалах, причем не только в России, между разноязычными топонимами, функционирующими на одной местности³⁷:

- 1) топонимы, возникшие самостоятельно в обоих языках, не связанные ни семантически, ни фонетически;
- 2) топонимы, характеризующиеся семантической близостью – «переводные» пары³⁸;
- 3) топонимы, характеризующиеся определенной фонетической близостью.

Вместе с фонетической адаптацией иноязычного топонима, как известно, нередко происходит также морфологическая адаптация: иноязычный топоним ста-

³² В недавно изданной работе Г. П. Смолицкая объясняет топоним *Тайцы* – без привлечения данных писцовых книг – из гидронима *Тайца* [Смолицкая, 2002, 339].

³³ Ср. топоним *Новая Весь*, относящийся к тому же Кипенскому погосту [ПКВ, стб. 644, 654].

³⁴ Согласно материалам НА, топоним *Tököttilä* являлся общим названием трех маленьких деревень: *Ruuteli, Rõtsälä, Myrälä*. На карте 1826 г. [KS] встречаются соответствующие русские названия: *Текотеля (Рюттилева), Текотеля (Речилева), Текотеля (Мюрино)*, кроме того, на карте указана еще маленькая деревня *Текотеля (Корсилева)*.

³⁵ Судя по широкому распространению в финских говорах (см. карту в [Jarva, 2003, 216]), слово *tökötti* должно являться относительно ранним заимствованием в финский язык.

³⁶ Примеры других топонимов, образованных от апеллятива *tökötti*, см. в работе [Nissilä, 1956, 198].

³⁷ Для славянской ономастики особенно интересны славяно-германские соотношения в топонимии северной Германии и южной Австрии; в прибалтийско-финской ономастике шведско-финские соотношения на юге Финляндии и шведско-саамско-финские соотношения на севере Швеции, как известно, являлись предметом большого числа исследований.

³⁸ Речь идет о семантической близости либо всего топонима, либо отдельной его части [ср.: Матвеев, 2001, III]: ср., например, «переводную» пару *Sutela – Волково*, в которой финское *Sute-* (*Susi*) семантически эквивалентно русскому *волк*, но финское *-la-Ø* ни семантически, ни морфологически не является эквивалентом русского *-ов-о*.

вится в ряд уже существующего топонимического типа принимающего языка. Ср., например, переход финского *Pikkola* (содержащего прилагательное *pikku* ‘маленький’ и топоформант *-la/-lä*) в русское *Пикколова* или *Пикколово*, которое, кроме фонетически адаптированных элементов *Пикко* и *л*, содержит также суффикс *-ов-* и окончание *-а* или *-о*.

Кроме «чистых» соотношений, топонимия бывшей Ингерманландии представляет также примеры более сложных корреляций между членами разноязычных топонимических пар.

Во-первых, двучленные топонимы, содержащие определения *большой / малый, старый / новый* и т. п., часто обнаруживают смешанный тип взаимоотношения: определение переводится, тогда как основная, определяемая часть топонима лишь фонетически адаптируется. Ср., например, рус. *Большая* и *Мал. Горки* [Körpen, 1867, 72] – фин. *Suuri* и *Pieni Kurku* [Mustonen, 1931, 46; Nevalainen, 1982, 406]; рус. *Большое* и *Малое Кикерино* [Körpen, 1867, 77] – фин. *Suuri* и *Pieni Kikkeri* [Mustonen, 1931, 55; Nevalainen, 1982, 407–408]; рус. *Старая* и *Новая Боровская (Старый и Новый Борь)* [Körpen, 1867, 75] – фин. *Vanha* и *Uusi Poru* [Mustonen, 1931, 49; Nevalainen, 1982, 406], рус. *Стар.* и *Нов. Добрянцы (Добрянца, Добрянцы)* [Körpen, 1867, 76] – фин. *Vanha* и *Uusi Dobrenitsa* [Mustonen, 1931, 49; Nevalainen, 1982, 406] и т. д.³⁹

Во-вторых, нами предложено несколько примеров топонимических «цепочек», в которых реконструируется серия фонетических адаптаций или их комбинация с переводами: ср., например, топонимические пары *Salusi – Салужи, Tarowitz – Таровицы* (см. 5.2, 5.4)⁴⁰.

Таким образом, при анализе характерных черт топонимии бывшей Ингерманландии мы обратили внимание не только на некоторые общеизвестные явления топонимического контакта, но и на конкретные примеры, требующие тщательного исследования. Несомненно, более широкое использование архивных источников выявит в дальнейшем еще ряд интересных случаев соотношения между финскими и русскими топонимами бывшей Ингерманландии.

АТДЛО – Административно-территориальное деление Ленинградской области. Л., 1973.
Горбатенко С. Б. Карты Ингерманландии и Карелии XVII века в Швеции и России // Краеведческие записки: исследования и материалы. Вып. 5. СПб., 1997. С. 9–37.

³⁹ Показательно, что Кеппен приводит названия с переводом первой части на немецкий язык: *Gross Kurku, Klein Kurku, Gross Kikkeri, Klein Kikkeri, Alt Boru, Neu Boru, Alt-Dobranitz, Neu Dobranitz*.

⁴⁰ Аналогичные реконструкции предлагаются также для начальных согласных топонимов *Ронша* (< *Хранша*, см. [Смолицкая, 286–287]), *Гатчина* (< *Хотчино*, см. [Смолицкая, 71–72; Ambrosiani FRB, 62, 68]) и др.

- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1979–1981.
- Дубровина З. М.* Прибалтийско-финские элементы в топонимике Ленинградской области // *Вопр. финно-угорской филологии.* Вып. 2. 1969. С. 76–87.
- Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. I. Екатеринбург, 2001.
- Никонов В. А.* География русских суффиксов // *Onomastica.* Т. V (1959). С. 321–345.
- Перевезенцева Н. А.* По Балтийской железной дороге от Петербурга до Гатчины. СПб., 2004.
- ПКВ – Писцовая книга Водской пятины: письма Дмитрия Васильевича Китаева и Никиты Семенова сына Моклокова 7008 г. Цит. по изд. Археографической комиссии: Новгородские писцовые книги. Т. III. СПб., 1868 (факс. изд.: *Slavistic printings and reprintings.* Vol. 212/3. The Hague & Paris, 1969).
- Подольская Н. В.* Типовые восточнославянские топоосновы: словообразовательный анализ. М., 1983.
- Попов А. И.* Следы времен минувших: Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Ленинград, 1981.
- Саарикиви Я.* Прибалтийско-финская антропонимия в субстратных названиях Русского Севера: перспективы изучения // *Этимологические исследования.* Вып. 8. Екатеринбург, 2003. С. 136–148.
- Селин А. А.* Историческая география Новгородской земли в XVI–XVIII вв. Новгородский и Ладужский уезды Водской пятины. СПб., 2003.
- Смолицкая Г. П.* Топонимический словарь Центральной России. М., 2002.
- Ambrosiani P.* Топонимика Новгородской земли в Новгородском оккупационном архиве г. Стокгольма: Дудоровский погост // *Swedish Contributions to the Thirteenth International Congress of Slavists, Ljubljana, 15–21 August 2003 / Ed. Englund Dimitrova, B. & A. Pereswetoff-Morath.* Lund, 2003a. P. 7–20.
- Ambrosiani P.* Finska och ryska bebyggelsenamn i Ingermanland // *Namn och kulturella kontakter i Östersjöområdet. Handlingar från NORNA:s 30:e symposium i Visby 14–16 september 2001 / Ed. S. Nyström.* Uppsala, 2003b. С. 60–73.
- Amburger E.* Ingermanland: Eine junge Provinz Rußlands im Wirkungsbereich der Residenz und Weltstadt St. Petersburg – Leningrad. Köln & Wien, 1980.
- Andersin A.* General Charta öfwer Provincien Ingermanneland <...>, карта Ингерманландии, нарисованная в Стокгольме в 1704 г.
- Fasouilas K.* Inkerin si-loppuiset kylännimet. Helsinki, 1977.
- IB – Ingermanlands Boken pro Anno 1618 1619 1620 1621 1622 1623. Государственный архив Швеции, Стокгольм, Östersjöprovinsernas räkenskaper 1562–1709. Vol. 76. (Изд.: *Jordeböcker öfver Ingermanland.* Писцовые книги Ижорской земли. Т. 1–2. СПб., 1859–1862.)
- Jarva V.* Venäläisperäisyys ja ekspressiivisyys suomen murteiden sanastossa. Jyväskylä, 2003. (Jyväskylä studies in humanities. 5).
- Kepsu S.* Pietari ennen Pietaria: Nevansuun vaiheita ennen pietarin kaupungin perustamista. Jyväskylä, 1995. (Русский перевод: Петербург до Петербурга – История устья Невы до основания города Петра. СПб., 2000.)
- KS – Топографическая карта окрестностей Красного Села, 1826 г. Для настоящей статьи использован экземпляр, хранящийся в Военном архиве Швеции (Krigsarkivet), г. Стокгольм, ф. 32, № 119.
- Köppen P. von.* Erklärender Text zu der Ethnographischen Karte des St. Petersburger Gouvernements. St. Petersburg, 1867.
- Löfstrand E. & L. Nordquist.* Accounts of an Occupied City: Catalogue of the Novgorod Occupation Archives 1611–1617. Stockholm, 2005. (Skrifter utgivna av Riksarkivet 24).
- Mustonen J.* Inkerin suomalaiset seurakunnat. Helsinki, 1931. (Suomalaisen kirjallisuuden seuran toimituksia. 191).

- NA – картотека топонимов Ингерманландии, хранящаяся в Ономастическом архиве (Nimiarkisto) при Центре исследования языков Финляндии (Kotimaisten kielten tutkimuskeskus). Хельсинки.
- Nallinmaa-Luoto T.* Mårten Feirichin jäljillä // *Genos*. Т. 60. 1989. P. 25–30, 39.
- Nevalainen P.* Inkerinmaan suomalaiset seurakunnat kylästä kylään ennen neuvostoaikaa // *Inkeri: historia, kansa, kulttuuri* / Ред. Nevalainen, P. & H. Sihvo. Helsinki, 1982. P. 402–409.
- Nissilä V.* Suomalaista nimistöntutkimusta. Helsinki, 1962. (Suomalaisen kirjallisuuden seuran toimituksia. 272).
- Nissilä V.* Slaavilaisia aineksia nimistössämme // *Virittäjä*. Т. 60. 1956. P. 49–70.
- Nissilä V.* Suomen Karjalan nimistö. Joensuu, 1975.
- Plöger A.* Die russischen Lehnwörter der finnischen Schriftsprache. Wiesbaden, 1973. (Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica. 8).
- Saloheimo V.* Inkerinmaan asutus ja väestö 1618–1700 // *Inkeri: historia, kansa, kulttuuri* / Ред. Nevalainen, P. & H. Sihvo. Helsinki, 1982. P. 67–82.
- Sosnowski J.* Toponimia rosyjska XVI wieku: Nazwy wsi. Łódź, 2002.

Сокращения

- Dud. – Pastorat Duderhof im Zarskossessl'en Kreise <приход Дудергоф, Царскосельский уезд>
- Gub. – Pastorat Gubanitz, in den Kreisen von Oranienbaum und Zarskoje-Sselo <приход Губаницы, Ораниенбаумский и Царскосельский уезды>
- Ser. – Pastorat Serebetta im Oranienbaumer Kreise <приход Серепетта (Жеребяты), Ораниенбаумский уезд>
- Sp. – Pastorat Spanko in den Kreisen von Zarskoje Sselo und Oranienbaum <приход Шпаньково, Ораниенбаумский и Царскосельский уезды>
- Skw./Rop. – Pastorat zu Skworitz und Ropscha <приход Скворицы и Ропша, Ораниенбаумский и Царскосельский уезды>
- Tyr. – Pastorat Tyris (spr. Türis), im Oranienbaumer und St. Petersburger Kreise <приход Тюре (Мартышкино), Ораниенбаумский и Санктпетербургский уезды>

* * *

Пер Амбросиани – доктор филологии, профессор русистики факультета лингвистических исследований Университета в Умеа (Швеция).